

ОБРАЗ ВРАГА В ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ

Петухов В.Б.

ФБГОУ ВПО «Ульяновский государственный технический университет», Ульяновск, Россия(432027, г. Ульяновск, ул. Северный Венец,32), e-mail: valery.petuhov2010@yandex.ru

Статья посвящена изучению актуальной проблемы информационного воздействия терроризма на социум. Она направлена на исследование механизмов формирования образа врага-террориста (антигероя) и его семиотического закрепления в массовом общественном сознании. Автор дал четкое определение понятия «информационное пространство противодействия терроризму», в котором происходит знаково-символическое кодирование образов террористов. В статье проведено разграничение понятий террор и терроризм, важных для понимания сущности информационного пространства противодействия терроризму. В статье проанализирована роль государственной власти в формировании образа врага, который способствует преодолению деструктивных социально-психологических реакций в обществе и формированию устойчивой модели восприятия обществом террористов как агрессивного и коварного врага, с которым необходимо вести борьбу всеми возможными средствами. Автор показал значение оценок, данных террористам лидерами российского государства В.В. Путиным и Д.А. Медведевым, в данном процессе.

Ключевые слова: террор, терроризм, информационное пространство противодействия терроризму, образ врага, антигерой, государственная власть

ENEMY IMAGE IN THE INFORMATION SPACE OF COUNTERING TERRORISM

Petukhov V.B.

Ulyanovsk State Technical University, Ulyanovsk, Russia (432027, Ulyanovsk, st. North Venice, 32), e-mail: valery.petuhov2010@yandex.ru

The paper studies the problem of information relevant impact of terrorism on society. It aims to study the mechanisms of formation of the image of the enemy terrorist (anti-hero) and his semiotic consolidation in mass consciousness. The author gave a clear definition of "information space to counter terrorism," which occurs semiotic-symbolic coding of images of terrorists. In the article the distinction between the concepts of terror and terrorism, which are important for the understanding of the information space of counter-terrorism. The article analyzes the role of government in shaping the image of the enemy, which helps to overcome the destructive social and psychological reactions in the community and a sustainable model of society's perception of terrorism as an aggressive and cunning enemy to which must be combated by all means possible. The author shows the grades given by the leaders of the Russian state terrorists V.V. Putin and D. A. Medvedev, in this process.

Keywords: terror, terrorism, counter terrorism information space, the image of the enemy, the antihero, the government

В данной статье терроризм рассматривается как социально-политическое явление, репрезентирующее себя и воздействующее на общество через информационные каналы культуры. В процессе прохождения терророносной информации через каналы массовой коммуникации в массовом общественном сознании формируются образы террористов-врагов («антигероев»). Методологическую основу данной работы составляет информационно-семиотический подход (Ч. Пирс, Ф.Д. Соссюр, Ж. Бодрийяр, Ю. Лотман). Целью статьи является выявление социально-политических и социокультурных характеристик имиджей «антигероев-террористов», сформированных на высшем уровне государственной власти.

Сущность терроризма обусловлена демонстративным насильственным устрашением социума и власти, что диктует необходимость обращать особое внимание на информационный фактор противодействия терроризму. В связи с этим возникает вопрос об определении понятия *«информационное пространство противодействия терроризму»*. Этим термином обозначается *совокупность и взаимодействие информационных потоков, институциональных коммуникативных систем, знаково-символических кодов и социальных технологий, сфокусированных на предотвращение террористических акций, на минимизацию последствий терроризма, на антитеррористической пропаганде*. Данное пространство детерминировано идейной и морально-нравственной позицией общего неприятия террора и терроризма. В этом отношении оно представляет собой целостный продукт социальных отношений. Его структура многокомпонентна, мозаична и дисперсна. В ней совмещаются и пересекаются антитеррористические стратегии и тактики государства, политических партий и общественных движений, религиозных течений, образовательных учреждений и системы воспитания, муниципальных органов власти, правоохранительных органов; пестрой мозаики СМИ и Интернета; художественной рефлексии, выраженной в произведениях художественной литературы и кино, наконец, спорадическая волна слухов и народных мифологем. Обозначенное пространство формируется как ответная реакция на социально-политические вызовы терроризма, исходящие не только от самих террористов, но и от террорократии (политических заказчиков терактов, их организаторов, спонсоров и идейных вдохновителей). Следует учитывать использование терактов сторонними политическими и общественными силами, пытающимися на фоне терроризма манипулировать массовым общественным сознанием для достижения каких-либо практических целей. Терророзносная информация распространяет эмоционально-психологические импульсы негативного воздействия на людей и приобретает черты опасного социального вируса, чреватого различными деструктивными последствиями. Исходя из этих обстоятельств, информационное пространство противодействия терроризму можно рассматривать в качестве противовеса информационному воздействию терроризма на социум.

На низовом уровне массовых социально-политических реакций антитеррористические тенденции проявляются в стихийных, импульсных формах протестного выражения, адресованных террористам. Они закрепляются в рефлексивных настроениях, разговорах, действиях людей, настроенных «на волну» спонтанного противостояния внезапно возникшим угрозам их безопасности. Эти ощущения носят временный, краткосрочный характер и постепенно (в двух-трехнедельный период) затихают. Стихийность приниживает

информационную сферу восприятия террористических вызовов неравномерно. В разных социальных прослойках и субкультурах она фиксируется в аморфных спорадических всплесках эмоций через каналы СМИ и художественные сферы мировосприятия, через слухи. Подобные формы антитеррористического противостояния не способны дать адекватный ответ на хорошо спланированные, тщательно продуманные и организованные террористические акции. Центральную роль в сплочении разрозненных антитеррористических сил в информационном пространстве, мобилизации общества на реальное противодействие терроризму берет на себя государственная власть, которая опирается в своих действиях на широкую общественную поддержку. Однако нельзя забывать, что государство также может быть источником террора. В этом случае организация информационного антитеррористического пространства будет исходить от сил, оппозиционных власти. Проблема субъектной адресности в идентификации антигероического образа прямо зависит от выяснения соотношения понятий «террор» и «терроризм».

Понятие «терроризм» появилось как общественная реакция на якобинский террор. Сначала террор и терроризм, обозначая одно и то же явление, различались акцентативно: террор идентифицировался как метод политической борьбы и государственного управления, а терроризм как образ жизнедеятельности. При этом во втором случае девальвировалась правовая претенциозность террора. Со второй половины XX века понятие «терроризм» стало применяться к деятельности экстремистских оппозиционных групп, а понятие «террор» – к открытому насилию со стороны государства. Однако на уровне обыденного сознания терминологические различия, по-прежнему, нивелировались, и исходные понятия продолжали оставаться идентичными. Семантическое разведение понятий «террор» и «терроризм» было вызвано необходимостью точной юридической квалификации преступлений террористического характера: утверждалось, что за террором стоит сила институтов государственной власти, за терроризмом – оппозиционные заговорщические группировки, представляющие небольшую, но пассионарную часть общества [7,23]. Однако жесткое закрепление за террором исключительно государственной атрибутивности приводит к искажению его семантической идентичности. Не всякий террор является государственным: например, инквизиционный террор средневековья или погромный террор в XX веке, террор, осуществляемый внутри самих террористических организаций, направленный на подавление потенциального инакомыслия среди своих членов. Государственный террор выступает только как один из видов террора. Внутренний оппозиционный терроризм может проявляться в качестве косвенной формы государственного террора, инспирированного извне и

подталкиваемого другим иностранным государством в целях достижения определенных геополитических интересов. *Террор*, будучи этимологическим ядром рассматриваемой системы, одновременно является ее изначальным генотипически обусловленным элементом. С социально-психологической точки зрения – это *возникающий в результате устрашающих насильственных действий ужас от утраты человеком спокойствия и безопасности*. Наиболее приемлемая формулировка была выдвинута М. Одесским и Д. Фельдманом: «террор есть способ управления социумом посредством превентивного устрашения». [6,155] Очевидно признание террора средством, способом или методом управления социумом безотносительно признания субъектом его действия государства, оппозиционной организации или религиозной секты. Определим дефиниционные границы «терроризма». Терроризм – обобщающее понятие, обозначающее комплексное социально-политическое явление, основанное на перманентном демонстративном устрашении социума и власти посредством жестких политически-мотивированных насильственных актов. *Терроризм есть определенный аномический способ мировосприятия и жизнедеятельности, обусловленный мифологическими особенностями мышления и направленный на деструктивное изменение окружающего мира и устрашения его в неукротимом стремлении к власти* [7, 38].

Информационное пространство противодействия терроризму маркирует свои границы достаточно условно, фиксируя, прежде всего, аксиологические и знаково-символические критерии социальной идентификации. Наиболее ярко это видно в процессе формулирования «образа антигероя-врага». В общественном мнении формирование «образа врага», с одной стороны, может возникать стихийно в процессе террористических атак, с другой – может сознательно формироваться различными социальными институтами. «Образ врага» имеет несколько ступеней своего организационного структурирования: 1) официальный государственно-презентируемый облик врага, имеющий необходимую власти смысловую нагрузку; 2) образ врага, создаваемый усилиями правоохранительных органов, исполнительной властью; 3) образ врага, формируемый СМИ; 4) образ врага, отраженный в художественной рефлексии.

Рассмотрим «образ врага», который формируется на высшем государственном уровне. Он складывается из разных источников: выступлений государственных лидеров, высших государственных чиновников, материалов правоохранительных органов, документов государственной власти. Анализ выступлений В.В. Путина о терроризме и террористах с 1999 по 2012 гг. позволяет проследить процесс формирования и развития «образа врага» на уровне руководителя государства. Точкой отсчета послужила его знаменитая фраза 1999 г.: «Мы будем преследовать террористов везде. В аэропорту – в аэропорту, вы уж меня извините, в туалете их поймаем, и в сортире их замочим, в конце концов. Все – вопрос

закрыт окончательно»[5]. Здесь в нестандартной форме передается очень сильный эмоциональный посыл ненависти и мести к террористам. Образ врага с вербально-фактологической, содержательной точки зрения в данном высказывании не представлен. В.В. Путин, который был в то время премьер-министром, без лишних слов сформировал психологический фон восприятия врага, апеллируя к недавним событиям, шокировавшим страну и повергших многих людей в пучину безотчетного страха от опасностей, подстерегающих их в собственном доме. Конкретный враг не назван, но в контексте взаимосвязи событий в Москве, Волгодонске и Дагестане, его определение не вызывает сомнений. Этим заявлением была актуализирована бинарная оппозиция «мы – они» в состоянии бескомпромиссного конфликта. Утверждение о неотвратимости физического устранения, высказанное В.В. Путиным, – это жесткий ультиматум террористам. В последующих выступлениях президента В.В. Путина собирательный образ террористов предельно сжат и лаконичен, в текстах подчеркивается жестокость врага, употребляются одиночные слова-знаки: преступники, убийцы, бандиты. Это дает основание говорить о стремлении усилить в «образе врага» уголовную, криминальную составляющую. Не случайно в речи от 9 августа 2000 г. президент заметил: «Мы здесь, в России, дошли до того, что позволили на своей территории создаться целому анклаву преступности и терроризма»[4]. Постоянной доминантой всех выступлений В.В. Путина звучала мысль о международном характере терроризма и о том, что события на Кавказе не могут рассматриваться вне контекста борьбы с международным терроризмом. Он сумел убедить россиян в том, что в России на Кавказе действуют международные террористы, и с ними необходимо вести непримиримую и жестокую борьбу. В образе внутреннего врага отчетливо проступают следы врага внешнего, более того, они становятся определяющими. Эта тенденция в выступлениях В.В. Путина наиболее рельефно проявлялась до 2007 г., когда 21 ноября 2007 г. им было объявлено: «Благодаря мужеству и единству народа России, была отражена агрессия международного терроризма против нашей Родины»[2]. В период 2008 – 2010 гг. частота употребления термина «международный терроризм» значительно снизилась. Сильным аргументом, усилившим негативизм образа террористов, стало сравнение их с нацистскими преступниками. «Терроризм сродни нацизму – также опасен, также бесчеловечен, также кровав, – заявил президент В.В. Путин, обращаясь к ветеранам Великой Отечественной войны 9 мая 2002 г. Взрыв в Каспийске в праздничный День Победы совершили «подонки, для которых нет ничего святого» [3]. Эта мысль вновь была подчеркнута им в выступлении, посвященном празднованию 65-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне. Обращение к параллели с нацизмом символически

актуализировало историческую память, закрепленную в сознании людей, и способствовало совмещению проекции «врага внешнего» и «врага внутреннего».

В период 2008 – 2012 гг. президент РФ Д.А. Медведев продолжил преемственную линию трактовки «образа врага» по отношению к террористам. В его выступлениях преобладали морально-нравственные оценки. После теракта 29 марта 2010 г. на станции метро «Лубянка» в Москве, он так характеризовал действия террористов: «Это просто звери, и безотносительно того, какими мотивами они руководствовались, то, что они делают, является преступлением по любому праву и исходя из любой морали. У меня никаких сомнений нет, мы их найдем и всех уничтожим»[9]. Уподобление врага животным достаточно распространенный прием этической оценки, свидетельствующий об импульсивной реакции человека на произошедшие события. С точки зрения политической мифологии и общей архетипической обусловленности в «образе врага» соединяются «львиная» и «змеиная» сущности. Каждый тип отличается тем, что каждый враг имеет иной образ. В первом случае зло нападает открыто, во втором – действует скрытно, таится в засаде, вредит постепенно, исподволь, искушая весь мир [10]. Рассуждения Д.А. Медведева «прорисовывающие» облик террористов часто связаны с терминологическими вопросами. Так, на заседании Президиума Госсовета о мерах по укреплению межнационального согласия 11 февраля 2011 г. он посетовал на использование в СМИ терминов и определений из практики деятельности сепаратистов и экстремистов; «...говорится о том, что сегодня был задержан такой-то эмир, такого-то джамаата. Какой эмир? Какой джамаат? Мы же с вами понимаем, что это не борцы за веру, а убийцы и бандиты. Нет у них никаких джамаатов, есть только грязные вонючие пещеры, где они прячутся, и не эмиры они никакие, а просто уроды, которые убивают детей и женщин. Нет, повторяют: вот, он такой-то и такой-то, а на уровне подсознания все это откладывается, поэтому нужно обратить внимание на терминологию, нельзя называть черное, белым. Есть законы публичной пропаганды, которые, в конечном счете, опять же на подсознательном уровне, начинают работать против нас..»[1,274]. Приведенная цитата отчетливо показывает, насколько важно, чтобы образ врага удерживался в общественном сознании не только фактами и абстрактными оценками, но четко выверенным использованием терминов, обозначением террористов не по целям и мотивам, которыми они руководствуются, а по их кровавым делам.

В выступлении В.В. Путина 28 августа 2012 г. в прорисовке «образа врага» появились конкретные негативные детали: «действует цинично из-за угла», «стремится посеять страх и взаимную ненависть», «разобщить, а затем и подчинить своему влиянию и поработить людей», «убивают единоверцев и священнослужителей», «проливают кровь в дни священных праздников»[8]. Включение этих нюансов в облик врага говорит об усложнении и

интериоризации образа «врага». Наряду с перечислением ряда универсальных имиджевых «вражеских» характеристик, обращается внимание на дискредитацию их поведения в религиозной среде, что может в большей мере консолидировать неприятие террористов в идентичном конфессиональном пространстве.

Вывод. Рассматривая в целом социально-политические конструкции «образа врага», сложившиеся в идеологическом и политическом арсенале В.В. Путина и Д.А. Медведева, следует отметить достаточно эффективный выбор форм и методов, канализирующих в общественное мнение устойчивую модель восприятия обществом террористов как агрессивного и коварного врага, с которым необходимо вести борьбу всеми возможными средствами. Существенную роль в формировании этой конструкции играет соблюдение баланса в дихотомической взаимосвязи понятий «внутреннего» и «внешнего» врага; поддержание сильного эмоционально- отрицательного фона; обобщенность и целостность восприятия облика врага.

Список литературы

1. Белая книга террора. Люди. События. Факты.– М: Голос – Пресс, 2011 – С. 274.
2. Выступление ВВ. Путина на учредительном заседании движения «За Путина» 21 ноября 2007 г. // Антитеррор. – Электронный ресурс: Режим доступа: <http://www/antiterror.ru/library/81552104>.
3. Выступление Президента Российской Федерации В.В.Путина на встрече с ветеранами в честь Дня Победы. 9 мая 2002 г. Москва. // Официальный веб-сайт Президента Российской Федерации В. В. Путина.// <http://2002.kremlin.ru/events/527.html>.
4. Заявление в связи со взрывом на Пушкинской площади в Москве // Официальный веб-сайт Президента Российской Федерации В. В. Путина. – Электронный ресурс: Режим доступа: <http://2002.kremlin.ru/events/57.html>.
5. Мочить в сортире.// Википедия. Электронный ресурс: Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/>.
6. Одесский М., Фельдман Д. Террор как идеологема (к истории развития) // Общественные науки и современность, 1994. – №6.– С.155.
7. Петухов В.Б. Терроризм как социокультурное явление: учебное пособие к спецкурсу /В.Б. Петухов. – Ульяновск, 2006. 108 с.
8. Путин: Террористы не добьются своих целей на территории России.// Официальный сайт партии «Единая Россия». Электронный ресурс: Режим доступа: <http://er.ru/news/2012/8/28/putin-terroristy-ne-dobyutsya-svoih-celej-na-territorii-rossii/>.

9. Сообщение пресс-службы Президента Российской Федерации от 31 марта 2010 г. Режим доступа: [http:// kremlin.ru/news/7296](http://kremlin.ru/news/7296).
10. Щербинина Н.Г. «Герой» и «антигерой» в политике России. – М.: Издательство «Весь мир», 2002. – С. 109 – 110.

Рецензенты:

Магомедов А.К., д.п.н., профессор Ульяновского государственного университета, г. Ульяновск;

Макаров Д.В., д.культурологии, профессор Ульяновского государственного педагогического университета, г. Ульяновск.